

УДК: 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-6-27-37

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ НОМО SENTIENS КАК ФАКТОР ЭКОЛОГИЧНОСТИ КОММУНИКАЦИИ

Солодовникова Н. Г.

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 27, Российская Федерация*

Аннотация

Цель работы – обоснование влияния эмоциональных мотивов homo sentiens на экологичность коммуникации.

Процедура и методы. Эмотивное понимание экологичности предполагает рассмотрение эмоций в качестве субъективной формы существования потребностей homo sentiens, выступающих мотивационной основой всей его деятельности. Язык считается ключом к эмоциям, поэтому методом эмотивного анализа текстового материала, т. е. выявлением лексики называния, описания и выражения эмоций, а также лексики с разным объёмом эмотивного компонента в её семантике, в статье устанавливаются кластеры эмоций, выступающих в качестве мотивационной основы деятельности homo sentiens.

Результаты. В ходе работы выявлены реальные эмоциональные мотивы homo sentiens, сигнализирующие о значимости объектов в его потребностной ориентации. Проведённый эмотивный анализ позволяет объяснить влияние эмоций на экологичность коммуникации.

Теоретическая значимость. Результаты исследования уточняют эмотивное понимание экологичности.

Ключевые слова: эмоции, мотивы, эмоциональность, эмотивность, экологичность, эмотивная лигвоэкология

EMOTIONAL MOTIVATION OF HOMO SENTIENS AS A FACTOR OF ECOLOGICAL COMMUNICATION

N. Solodovnikova

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 prospekt Lenina, Volgograd 400066 Russian Federation*

Abstract

Aim. The article aims to substantiate the influence of emotional motives of homo sentiens on the ecology of communication.

Methodology. The emotive approach to ecology implies the consideration of emotions as a subjective form of existence of the homo sentiens needs, which act as the motivational basis for all his activities. Language is considered the key to emotions, so by the method of emotive analysis of text material, i.e. by identifying the vocabulary of naming, describing and expressing emotions, and lexical units with varying amount of emotive component in their semantics, the study establishes clusters of emotions that serve as the motivational basis for the activities of homo sentiens.

Results. In the course of the study, the homo sapiens real emotional motives, showing the rating of objects in his need orientation, are revealed. The conducted emotive analysis allows us to explain the influence of emotions on the ecology of communication.

Research implications. The results of the study contribute to clarifying the emotive understanding of ecology.

Keywords: emotions, motives, emotions, emotionality, emotivity, ecology, emotive linguoecology

Введение

Понимание *общей экологии* как науки об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и окружающей средой давно уже стало общим местом в теоретической литературе по биологии.

Таким же общим местом, но уже в теоретической литературе по лингвистике, стало понимание *экологии языка* как науки о взаимодействиях между языком и его окружением, где под окружением языка понимается его общество, использующее язык как один из своих кодов.

Как отмечает С. Димитрова, «само понятие *экология* расширило неимоверно свой объём и превратилось в название некой интегративной науки, стремящейся к параллельному изучению социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза, учитывая проблемы речевого воздействия (так называемого обратного влияния языка) и проявления в языке предельно общих свойств эволюции общества и познания» [1, с. 9]. Названный автор критически замечает, что «искущённому в лингвистической теории исследователю абсолютно ясно, что в этих словах ничего нового реально нет. Но в то же время также абсолютно ясно, что такой подход к языковому материалу может быть стимулом к новым изысканиям, к созданию новых гипотез и теоретических построений и к расширению лингвистической тематики или, как теперь принято говорить, к обновлению лингвистических сюжетов» [1, с. 10]. Одним из таких обновлённых лингвистических сюжетов можно считать эмотивную лингвоэкологию [10].

В работах М. Н. Эпштейна сам по себе термин «экология» по своему букваль-

ному смыслу означает не что иное, как «эйкос логоса», «ойкумену слова», «среда обитания слова», «средословие», т. е. «слово» уже вписано в сам термин «экология». По мнению данного автора, «экология» как наука о среде обитания и «экология» как среда обитания слова имеют сходный предмет, в котором пересекаются интересы биологии и филологии, естественных и гуманитарных наук [11].

Признание того факта, что экология языка зависит от людей, которые учат его, используют и передают другим людям, приводит к пониманию роли человеческого фактора в жизни языка, но учёт упомянутого выше так называемого обратного влияния языка также наводит на мысль о переходе к экологии человека, в основе которой находятся вопросы о том, хорошо ли в пространстве языка человеку, здорово ли оно с точки зрения экологии или патологично.

Занимаясь поиском ответов на эти вопросы, учёные приходят к выводу, что экологичной для человека можно считать такую среду, в которой он может наилучшим образом выразить свои мысли, чувства и намерения, а экологичной для языка такую среду, в которой он не только сохраняется, но и развивается.

Данный подход отражён в комментарии А. П. Сковородникова к известной цитате М. Хайдеггера о том, что «язык есть дом бытия, и в жилище языка обитает человек»: обитатель «дома бытия», homo loquens, может ограничиться бережением и охраной своего обиталища, а может, как рачительный хозяин, прилагать усилия к совершенствованию своего дома – языка [5, с. 143].

Согласно А. П. Сковородникову, предметом изучения лингвоэкологии является

состояние языка как сложной семиотической системы, обусловленное качеством среды его обитания и функционирования (в том числе социальными и другими экстралингвистическими факторами, влияющими негативно или позитивно на языковое сознание социума и, как следствие, на язык и его речевую реализацию), и, соответственно, способы и средства защиты языка и речи от негативных воздействий, с одной стороны, и пути и средства их обогащения и развития, с другой. Особенностью подхода к фактам языка и речи с позиций эколлингвистики является их социальная оценка с учётом исторических условий и тенденций развития данного языка, факторов системы и нормы, критериев социокультурного, политико-экономического, этического и эстетического порядка [4, с. 207–208].

По мнению М. Н. Эпштейна, экология – это не естественная, а гуманитарная наука, предмет которой – природа как порождение и инобытие культуры. Понадобилось несколько тысячелетий, чтобы природа из «космоса» и «организма», каким её изучают физика и биология, превратилась в окружающую среду, т. е. феномен, взятый целиком по отношению к культуре. Предмет экологии, т. е. природа в качестве среды обитания, создан долгим, многовековым развитием культуры, которая «расприроднивала» человека и оттесняла природу на периферию существования, превращала природу из самосущей и вездесущей реальности в «окружающую среду», в «экологический фактор» [11].

Алармизм (человек осознаёт экологические изменения с непредсказуемыми последствиями как для природы, так и общества) постепенно сменяется конструктивизмом (человек осознаёт необходимость разработки научной философии поведения – разумной профилактической и терапевтической науки о человеке, в которой гармоничное существование человека признаётся такой же ценностью, как сбережение природы).

Первая позиция отражается в следующей цитате: «Представление экологии о том, что её предмет – “природа как она есть сама по себе”, а её цель – защита этой первозданной, невинной природы от посягательств культуры, вполне могут перерасти в эковарварство и экофашизм, в нигилизм по отношению к культуре, если не отдать себе отчёта, что природа, именно в своем экологическом (а не космическом, не физическом, не биологическом) аспекте, и есть создание культуры» [11].

Вторая позиция отражается в идее о том, что именно сейчас настало время для такой новой, рефлексивной ступени в развитии экологии, когда она осознаёт вторичность, искусственность, культурность своего предмета и, следовательно, вводит себя в круг наук о культуре [11].

Физиолог Г. Селье писал: «Мы сами – часть природы и потому должны принять её правила. Этот кодекс совместим с любой религией, политической системой или философией и в то же время независим от них» [3].

Сравните это с мыслями М. Н. Эпштейна: «Природное и культурное, начальное и производное меняются местами, обнаруживают свою взаимобусловленность. Культура вписывается в природу и вписывает её в себя – невозможно разорвать эту цепь взаимовключений» [11].

Цитируемые рассуждения обоих учёных в рамках данной статьи переключаются друг с другом, образуя в подобной подборке своеобразный диалог.

Экологичность и эмоциональные мотивы

В логике приведённых рассуждений, и экология человека, и экология языка подразумевают «здоровые» отношения с некой средой, сохранение и развитие. Поэтому эко-филология – это подвижное равновесие двух процессов: внезапное утверждает своё место в системе знаков и одновременно обнаруживает свою обусловленность этой системой [11].

Г. Селье пишет, что, «исходя из биологических законов, для большинства людей и, конечно, для общества в целом лучшее побуждение к деятельности – не “возлюби ближнего как самого себя” (ибо это невозможно), а “альтруистический эгоизм”, который удовлетворяет присущее всему живому себялюбие, не порождая чувства вины: “заслужи любовь ближнего”. Этот девиз позволяет человеку выразить себя и реализовать свои таланты, способствуя поддержанию психической устойчивости и душевного мира (выделено нами – Н. С.) Такая установка не вызовет нареканий и нападок, поскольку она *полезна* (выделено нами – Н. С.) для всех» [3].

И если совокупность культурных процедур и фильтров, которые выделяют человека из природы, из *состояния варварства* (выделено нами – Н. С.), и которые в конечном счёте позволяют охранять саму природу от технического варварства, и составляет, по М. Н. Эпштейну, предмет экологии, то крайним проявлением варварства и нарушением экологии в указанном смысле является, по нашему мнению, убийство (человека и его языка).

Ярким и трагическим примером последнего является следующий факт: вечером 8 декабря 1980 г. Марк Чепмен в присутствии жены Джона Леннона Йоко Оно выстрелил Леннону в спину четыре раза, когда пара возвращалась в свою квартиру в Нью-Йорке.

Г. Селье пишет, что мы все дети природы и не ошибёмся, если будем следовать её общим законам в сочетании со своими личными идеалами и убеждениями. *Пока человек не вредит другим, он вправе вести наиболее естественную для себя жизнь* (выделено нами – Н. С.) [3].

Очевидно, что Марк Чепмен нарушил данный закон.

За убийство Леннона Чепмен получил пожизненное заключение с возможностью досрочного освобождения не ранее, чем через 20 лет. С 2000 г. комиссия от-

казала ему в этом 11 раз¹. В документах, доступ к которым получило агентство Press Association, говорится, что комиссия в очередной раз отказала Чепмену в досрочном освобождении, так как оно было бы *несовместимо с благополучным функционированием общества* (выделено нами – Н. С.).

Современная наука располагает достаточным количеством знаний, а дискурсивная практика подтверждает, что человек уже далеко не только *homo sapiens*, но и *homo sentiens*, поскольку многими его действиями руководят эмоции [8].

Язык, как известно, является ключом к эмоциям [8]. Доказано, что эмоции являются мотивационной основой всей деятельности человека, в том числе, и речевой. Увидеть эмоциональные мотивы общающихся возможно через их вербализацию в эмотивах: на уровне психического отражения эмоции являются единственным представителем мотивационной сферы индивида в его наблюдаемой деятельности [2].

Развивая собственное понимание экологичности, которое мы пытаемся обосновать через её связь с эмотивностью, приходим к заключению, что, если инициальными и терминальными эмоциональными мотивами обеих общающихся сторон выступают искренность, доброжелательность и этичность, можно говорить об экологичности коммуникации, которая вербализуется в соответствующих эмотивах.

Уточним используемые в данной статье терминопонятия, а затем перейдём к непосредственному анализу практического материала.

Разрабатывая лингвистическую теорию эмоций, В. И. Шаховский пользуется термином «эмотивность», под которой им понимается семантическая способность

¹ «Отвратительный поступок, совершённый ради славы». Марк Чепмен попросил прощения за убийство Джона Леннона // Новости Mail.Ru. URL: <https://news.mail.ru/incident/43465369/?frommail=1> (дата обращения: 22.09.2020).

слова репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального (оязыковлённого) выражения определённых эмоциональных отношений субъектов и которая напрямую зависит от типа дискурса и от эмоционального состояния коммуникантов [6]. Т. е. эмотивность – это отражённость эмоций в семантике слова, а эмотив – это словозначение с эмотивным компонентом семантики, специально предназначенным для адекватного выражения эмоциональных отношений всеми говорящими на данном языке [8]. У эмотивности есть три семантических статуса: статус денотативной эмотивности в аффективах (междометия, бранные слова, вульгаризмы, эмоционально-оценочные наречия и прилагательные, адресативы); статус факультативной эмотивности в коннотативах (метафоры, зооморфизмы) и статус потенциальной эмотивности в потенциативах (нейтральные слова в консоциациях) [8].

Считается, что эмотивность наполняет всё пространство человека, поскольку играет непосредственную роль в процессе смыслообразования и выступает в качестве регулятора его жизнедеятельности. Коррелируя с этическим поступком, эмотивность выступает знаком психического здоровья и выходит на уровень универсального метода, способствующего пробуждению собственно человеческого в человеке [9, с. 137].

Сравним это с точкой зрения М. Н. Эпштейна на воссознание, которое есть актуализация внутри сознания (письма, речи, действия ...) предвещающих его и внеположных ему условий (чистоты, безмолвия, покоя ...). В экологическом смысле, воссознание не есть просто возврат к природе, что было бы разрушительно для культуры, но есть поступательное движение культуры, спасающей природу в себе и для себя [11].

Если идти от тезисов, что эмоции – это мотивационная основа всей деятельности человека; эмоциональность – способность

человека испытывать и выражать эмоции, а эмотивность – это способность языка системой своих средств выражать эмоции как факт психики, то эмотивность является языковой категорией, демонстрирующей, насколько здоровыми являются выражаемые средствами языка эмоции, коррелирующие с частным мышлением, т. е. этическими поступками, совершёнными в следствие экологичности воссознания. Таким образом, эмоции, воплощённые в эмотивах, – это показатель психического здоровья и экологичности сознания, мышления и коммуникации.

Известно, что эмоции реактивны по своей природе (поэтому деление эмоций по типу оценочного знака соотносится с тем, какая из зон – удовольствия или неудовольствия – затрагивается), но его лингвоэкологическая ответственность начинается с их выражения, т. е. выбора и комбинаторики эмотивов.

В этом смысле, эмотивная лингвоэкология, родившись из сплава экологии, валеологии и эмотивной лингвистики, занимается изучением здоровья эмоций человека и использования эмотивно здорового языка. В парадигме эмотивной лингвоэкологии эмоциональность рассматривается в качестве важнейшего регулятора экологичности коммуникации. При этом доминантой экоэмотиологов, по нашему мнению, является возвышение человека в коммуникации.

В экологичной (здоровой) ситуации общения позитивными должны быть и эмоциональность, и эмотивность, и эмоциогенность: 1) изначальный эмоциональный импульс должен быть положительным (искренняя доброжелательность); 2) языковая реализация должна быть этичной и эстетичной (отбор и использование положительнооценочных эмотивов); 3) у коммуникативного партнёра должны возникнуть ответные положительные эмоции.

Приведём в этой связи следующий пример, который, абстрагируясь от оригинального сатирического контекста,

иллюстрирует рассмотренное выше понимание экологичности: «... это была хорошо составленная, вдумчиво отрепетированная и уже неоднократно произнесённая речь, в которой каждый эпитет, каждая интонация были преисполнены эмоционального содержания, это было настоящее произведение искусства, и, как всякое настоящее произведение искусства, речь эта облагораживала слушателя, делала его мудрым и значительным, преображала и поднимала его на несколько ступенек выше» (выделено нами – Н. С.)¹.

В практическом смысле, понимание необходимости формирования экологического сознания и мышления, на наш взгляд, метафорически отражает следующая цитата: «Я открыл было рот, но тут представил себе, в какие дебри нам придется забираться, как трудно будет объяснить, что такое метафоры, иносказания, гиперболы и просто ругань, и зачем все это нужно, и какую роль здесь играют воспитание, привычки, степень развитости языка, эмоции, вкус к слову, начитанность и общий культурный уровень, чувство юмора, такт, и что такое юмор, и что такое такт, и представив себе все это, я ужаснулся и горячо сказал: – Вы совершенно правы, Федя².

Характеризуя общелингвистическую категорию эмотивности, В. И. Шаховский писал, что «непосредственная эмоциональная реакция говорящих отражает момент перехода от собственно семантического аспекта к аспекту прагматическому (воздействующей силы языка), поэтому учёные в последнее время признают, что коммуникативная функция не является чисто языковой категорией: она – прагматико-психолого-речевая категория. Её эмотивный компонент,

т. е. эмоциональная окрашенность разговорной речи, требует как практического усвоения, так и теоретического осмысления» [6, с. 3]. «Эмотивность является важнейшим элементом прагматики языка, т. к. она наиболее ярко воплощает в себе его воздействующую функцию» [6, с. 3]. Полагаем, что поэтому теоретическое осмысление экологичности может осуществляться через связь с понятием эмотивности.

В этом отношении приходим к выводу, что экологичность – это качество эмотивности (или коммуникативной эмоциональности), которая, в отличие от некоммуникативной (биологической), носит осмысленный характер. Способность человека управлять словесным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и другие фильтры сознания, в зависимости от которых одни и те же эмоции могут находить лексико-семантическое выражение, указывает на интеллектуальность коммуникативной эмотивности, т. е. её прагматичность [6, с. 10].

Одним из таких фильтров сознания может стать его экоориентированность, т. е. прямая заинтересованность в том, чтобы здоровыми оставались и испытываемые эмоции (полагаем, здесь речь может идти о практике осознанности), и языковые средства их выражения (мы исходим из того, что вся стилистика эмотивна).

Поэтому инициальная и терминальная экологичность, на наш взгляд, напрямую связана с эмоциональностью человека и эмотивностью используемого им языка. Модус экологичности зависит от оязыковлённых эмоций.

Постепенно эмотивная лингвоэкология [7; 10], в которой объединились экология и лингвистика эмоций, оформляется в отдельное направление в науке. Согласно этому направлению, человек является существом эмоциональным и, вступая в общение, ожидает, прежде всего, заинтересованности в экологичном

¹ Стругацкие А. и Б. Сказка о Тройке // Фантасты братья Стругацкие: [сайт]. URL: <http://www.rusf.ru/abs/books/sot-100.htm> (дата обращения: 22.09.2020).

² Стругацкие А. и Б. Сказка о Тройке // Фантасты братья Стругацкие: [сайт]. URL: <http://www.rusf.ru/abs/books/sot-100.htm> (дата обращения: 22.09.2020).

обращении с ним, не наносящем вред его здоровью. Эмотивная лингвоэкология призвана сформулировать параметры, соблюдение которых позволит добиться экологичной, т. е. «здоровой», оказывающей благоприятное воздействие на человека языковой среды. Человек и язык являются друг для друга взаимовлияющими средами, которые и обеспечивают такое качество, как экологичность («здоровье»: бережность + польза).

Эмотивный анализ экологичности

Поскольку целью данной работы является анализ эмоциональных мотивов *homo sentiens*, определяющих экологичность коммуникации, обратимся к прямой речи Чепмена из документов слушания, на котором рассматривалась возможность его досрочного освобождения. Ранее мы ссылались на новостной портал *mail.ru*, разместивший публикацию под названием «Отвратительный поступок, совершенный ради славы». Эмотивный анализ данного фрагмента позволяет выявить лексику названия, описания и выражения эмоций, а также эмотивы с разным объёмом эмотивного компонента в их семантике, чтобы установить реальные эмоциональные мотивы, которые влияют на экологичность коммуникации.

В приводимом ниже фрагменте Чепмен попросил прощения у Йоко Оно за убийство Джона Леннона и назвал мотив совершённого убийства: «Он был невероятно знаменит. Я убил его не из-за его личных качеств, не из-за того, каким он был человеком. Он был семейным человеком. Он был символом. Он был человеком, который поднимал такие вопросы, о которых мы сейчас можем говорить, и это замечательно. Я убил его, потому что он был очень, очень, очень знаменит, и это единственная причина. А я очень, очень, очень, очень сильно искал личной славы, я думал только о себе. Я хочу очень сильно это подчеркнуть. Это было крайне эгоистичное деяние. Я хочу извиниться перед

ней [Оно] за ту боль, которую я ей причинил. Я думаю об этом всё время»¹.

Итак, прямая речь Чепмена эксплицирует мотив убийства: «Я убил его, потому что он был очень, очень, очень знаменит, и это единственная причина. А я очень, очень, очень, очень сильно искал личной славы, я думал только о себе».

Если рассмотреть его речь с точки зрения названных, описанных и выраженных эмоций, очевидным становится, что в тексте он прямо *называет* только эмоцию Йоко Оно, которую она, по мнению Чепмена, испытывает, – *боль* (Я хочу извиниться перед ней [Оно] за ту боль, которую я ей причинил).

Некоторые свои эмоции Чепмен описывает: тщеславие (А я очень, очень, очень, очень сильно искал личной славы.), эгоизм (Это было крайне эгоистичное деяние.), вина (Я хочу извиниться перед ней [Оно]).

И доминантные эмоции (зависть, сожаление, раскаяние) он несколько раз *выражает* в тексте через использование эмотивной стилистики. Текст преимущественно построен на антитезе (Он был невероятно знаменит. А я очень сильно искал личной славы.); разных типов повторов: анафоре (Он был невероятно знаменит. Он был семейным человеком. Он был символом. Он был человеком, который поднимал такие вопросы, о которых мы сейчас можем говорить, и это замечательно.), лексическом повторе (Я убил его, потому что он был очень, очень, очень, очень знаменит, и это единственная причина. А я очень, очень, очень, очень сильно искал личной славы, я думал только о себе.), синонимическом повторе (Он был невероятно знаменит. Я убил его, потому что он был очень, очень, очень знаменит, и это единственная причина.); метафоре (Он был символом); эпитетах (Он был

¹ «Отвратительный поступок, совершённый ради славы». Марк Чепмен попросил прощения за убийство Джона Леннона // Новости Mail.Ru. URL: <https://news.mail.ru/incident/43465369/?frommail=1> (дата обращения: 22.09.2020).

невероятно знаменит. Он был человеком, который поднимал такие вопросы, о которых мы сейчас можем говорить, и это замечательно. Это было крайне эгоистичное деяние.); гиперболы (*Я думаю об этом всё время*) и др.

Эмотивно-стилистический анализ цитируемого фрагмента позволяет выявить, что в тексте отсутствуют аффективы и коннотативы, но сама ситуация приближает к ним все использованные в тексте потенциативы, главными из которых являются: *символ, убил, слава*, – потому что сама конситуация наводит на них семы эмотивности.

Упомянется, что, будучи поклонником «Битлз» с многолетним стажем, Чепмен спланировал убийство до мелочей. Когда приехала полиция, он сидел на месте преступления и читал книгу «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера, с главным героем которой он себя ассоциировал. Вспоминая об этом на выступлении перед комиссией, Чепмен сказал, что ему был близок главный герой, *страдавший от изоляции и одиночества* (выделено нами – Н. С.).

Эмотивный анализ практического материала выявил кластер отрицательных эмоций, выступивших мотивом убийства Джона Леннона Марком Чепменом: *страдание от одиночества и изоляции, тщеславие, эгоизм, зависть*. Через 40 лет они сменились *виной, сожалением, раскаянием*.

Марк Чепмен добавил, что заслуживает смертной казни: *«Когда ты целенаправленно планируешь кого-то убить, зная, что это скверно, но ты делаешь это ради себя, это заслуживает смертной казни в моём понимании. Кто-то со мной не согласен, всем сейчас дают второй шанс»*¹.

Когда Чепмена спросили, справедливо ли его наказание, он ответил: *«Я не заслу-*

*живаю ничего. Если закон и вы предпочтёте оставить меня здесь до конца моих дней, никаких жалоб с моей стороны не будет»*².

К упомянутым выше эмоциям, по нашему мнению, добавились ещё и смирение (на слушании перед комиссией его описали как глубоко религиозного человека, убеждённого христианина) и раскаяние (*Я хочу снова подчеркнуть, что сожалею о своём преступлении. Моему поступку нет оправдания. Это было сделано ради личной славы. Я считаю, что это худшее преступление, которое только можно совершить против ни в чём не повинного человека.*)³.

В своём решении комиссия по условному освобождению пришла к выводу, что Чепмена нельзя выпускать из тюрьмы, предписав ему «личностный рост и продуктивное использование времени». *«Ваше жестокое деяние принесло горе не только семье и бывшим коллегам по коллективу, но всему миру»*⁴, – говорится в заключении.

Таким образом, эмотивный анализ позволяет выявить эмоциональные мотивы homo sentiens, влияющие на экологичность коммуникации. В случае с убийством Джона Леннона Марком Чепменом можно говорить о полном нарушении экологических форм выражения эмоций, потому что эмоциональная мотивация Марка Чепмена, определившая его поведение, была разрушительной, прежде всего, для него самого.

Заключение

В данной статье мы развиваем тезис об экологичности человеческих эмоций, от баланса которых зависит его удовольствие или неудовольствие от жизни. Говоря в этом смысле об экологии эмотивного языка, мы имеем в виду, прежде всего, пропорцию положительных (при-

¹ «Отвратительный поступок, совершённый ради славы». Марк Чепмен попросил прощения за убийство Джона Леннона // Новости Mail.Ru. URL: <https://news.mail.ru/incident/43465369/?frommail=1> (дата обращения: 22.09.2020).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

носящих удовольствие) и отрицательных (причиняющих неудовольствие) эмоций, проникающих в семантику слов. Их количественный подсчёт в самых разных текстах позволяет выявить тенденцию экологичности / неэкологичности.

Необходимость привлечения данных эмотивной лингвистики для понимания экологии человека и его языка, на наш взгляд, объясняется, в первую очередь тем, что ни человек, ни его язык не обходятся без эмоций и их выражения.

Как самостоятельная область научного поиска эмотивная лингвоэкология в настоящее время только обретает свои координаты и потому обращается к сведениям из других парадигм. На основе анализа теоретической литературы по эмотивной лингвоэкологии, мы пришли к выводу, что термин *экологичность* в гуманитарном переосмыслении означает

бережное отношение к кому-либо или чему-либо, а также здоровье.

Данный подход позволяет объяснить связь экологичности и эмотивности. Эмоции человека являются мотивационной основой всей его деятельности, в том числе и речевой. Если лингвоэкология изучает «семиотическое здоровье» языка [4; 5], то эмотивная лингвоэкология изучает «здоровые эмоции, транслируемые здоровым языком» [10].

Основными параметрами экологичной, т. е. здоровой коммуникации, мы считаем искренность, доброжелательность и этичность, которые можно рассматривать в качестве побудительных эмоциональных мотивов к общению. Нарушение данных параметров приводит к неэкологичности коммуникации.

Статья поступила в редакцию 24.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Димитрова С. Лингвистика и здравый смысл // Русистика 2018: материалы международного научного симпозиума «Экология языка и современная коммуникация», посвящённого 45-летию русистики в Шуменском университете им. епископа Константина Преславского, г. Шумен, Болгария, 26–29 апреля 2018 г. / отв. ред. Е. Стоянова. Шумен: Химера, 2018. С. 9–16.
2. Пищальникова В. А. Теория эмоций как междисциплинарная концепция исследования речевой деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 143–148.
3. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. 126 с.
4. Сковородников А. П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 205–233.
5. Сковородников А. П. К философским основаниям предметной области эколлингвистики // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2 (3). С. 140–161.
6. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград: изд. ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1983. 96 с.
7. Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: ИП Поликарпов И. Л., 2016. 504 с.
8. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: URSS, 2019. 206 с.
9. Шаховский В. И., Волкова П. С. Эмотивность как метод вхождения в пространство межличностной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 132–138.
10. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / науч. ред. В. И. Шаховский. Волгоград: Перемена, 2013. 450 с.
11. Эпштейн М. Н. Наброски к экологии текста // Комментарии. 1997. № 13. С. 3–41.

REFERENCES

1. Dimitrova S. [Linguistics and common sense]. In: *Rusistika 2018: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Ekologiya yazyka i sovremennaya kommunikatsiya», posvyashchonnogo 45-letiyu rusistiki v Shumenskom universitete im. yepiskopa Konstantina Preslavskogo, g. Shumen, Bolgariya, 26–29 aprelya 2018 g.* [Russistics 2018: Proceedings of the international scientific symposium “Ecology of language and modern communication”, dedicated to the 45th anniversary of Russian studies at Shumen University. Bishop Konstantin Preslavsky, Shumen, Bulgaria, April 26–29, 2018]. Shumen, Khimera Publ., 2018. pp. 9–16.
2. Pishchal'nikova V. A. [Theory of Emotions as an Interdisciplinary Concept for the Study of Speech Process]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 1 (134), pp. 143–148.
3. Selye H. *Stress bez distressa* [Stress without distress]. Moscow, Progress Publ., 1979. 126 p.
4. Skovorodnikov A. P. [How ecolinguistics can be applied to the state of contemporary Russian language]. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2013, no. 1, pp. 205–233.
5. Skovorodnikov A. P. [The philosophical basis of subject domain of ecolinguistics]. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2014, no. 2 (3), pp. 140–161.
6. Shakhovskiy V. I. *Emotivnyi komponent znacheniya i metody ego opisaniya* [The emotive component of meaning and methods of describing it]. Volgograd, Volgograd State Pedagogical Institute named after A. S. Serafimovich Publ., 1983. 96 p.
7. Shakhovskiy V. I. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii* [Ecological Discord in Communicative Triangle: Human Being, Language and Emotions]. Volgograd, IP Polikarpov I. L. Publ., 2016. 504 p.
8. Shakhovskiy V. I. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language]. Moscow, URSS Publ., 2019. 206 p.
9. Shakhovskiy V. I., Volkova P. S. [Emotivity as a method of entering the space of interpersonal communication]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 1 (134), pp. 132–138.
10. Shakhovskiy V. I., sc. ed. *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Emotive linguoecology in the modern communicative space]. Volgograd, Peremena Publ., 2013. 450 p.
11. Epshtein M. N. [Outlines for the ecology of the text]. In: *Kommentarii* [Comments], 1997, no. 13, pp. 3–41.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 20-012-00418 А «Эмотивная лингвоэкология древних и современных текстов».

ACKNOWLEDGMENTS

The research was supported by RFBR grant No. 20-012-00418 A “Emotive linguoecology of ancient and modern texts”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солодовникова Наталья Геннадиевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: tommyboy22@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliia G. Solodovnikova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University;
e-mail: tommyboy22@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Солодовникова Н. Г. Эмоциональная мотивация homo sentiens как фактор экологичности коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 6. С. 27–37.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-6-27-37

FOR CITATION

Solodovnikova N. G. Emotional motivation of homo sentiens as a factor of ecological communication. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 6, pp. 27–37.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-6-27-37